

АДИВА
ГЕФФЕН

УЦЕЛЕВШАЯ

*Она не пала духом,
когда война
забрала всё*

ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКОЙ СЕМЬИ,
БЕГУЩЕЙ ОТ НАЦИСТОВ

РЕЙТИНГ НА AMAZON 4.5 ★★★★★ (7824)

«Дом — это всего лишь несколько стен. Семья — вот что важно»

Адива Геффен
Уцелевшая. Она не пала
духом, когда война забрала всё
Серия «Вторая мировая война.
Причины, события, последствия»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71959183

Уцелевшая. Она не пала духом, когда война забрала всё: Эксмо; Москва;

2025

ISBN 978-5-04-223587-0

Аннотация

Этот бестселлер, основанный на реальных событиях времен Второй мировой войны, о том, как:

- найти в себе мужество посмотреть правде в глаза и перестать тешить себя надеждой, что беда обойдет стороной;
- дерзнуть бороться за свою жизнь, когда остальные смирились с горькой участью;
- потеряв самых дорогих людей и свой дом, найти в себе силы двигаться дальше;
- продолжать любить жизнь в условиях, в которых, казалось бы, невозможно даже существовать.

Женщина способна многое вынести и многое преодолеть. Счастье Шурки, вышедшей замуж за любимого человека и родившей дочку и сына, прерывают действия нацистов, вторгнувшихся в Польшу. Как и все евреи, семья Шурки в опасности. Остаться в родных местах становится все более рискованно, и однажды ее муж принимает тяжелое решение: бросить все и бежать из гетто, куда их загнали нацисты, в лес, густой темный лес, который Шурка видела в детстве на горизонте и которого смертельно боялась, где не будет ни еды, ни жилья, ни лекарств для ее маленького слабого сына.

Содержание

Из Леса	7
1	12
2	41
3	51
4	66
5	69
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Адива Геффен
Уцелевшая
Она не пала духом,
когда война забрала всё

Adiva Geffen

Surviving the Forest

*** * ***

Copyright © Adiva Geffen

Russian translation rights arranged by eBookPro Publishing
House and Literary Agency

© Горбачев И. В., перевод на русский язык, 2025

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2025

*** * ***

Я не перестаю восхищаться, думая о тех удивительных людях, которые пережили ужасы Холокоста, но смогли подняться и пойти дальше, начать новую жизнь и поделиться со мной своими историями побед и триумфа. Эта книга – размышление об их стойкости.

Мои благодарности подруге Арлин Роффман, которая любезно и профессионально сопровождала мой перевод и добавляла свои волшебные штрихи.

Огромное спасибо Зое, которая вложила в эту книгу душу и вдохнула дух на английском языке. Ее точность, советы и правдивость неоценимы.

Из Леса

*Тихо, тихо, давайте помолчим.
Здесь растет смерть.
Ее посадил тиран,
Смотри, как она расцветает.
Все дороги теперь ведут в Панери¹,
Обратного пути нет,
И наш отец тоже пропал,
А с ним и наш свет.
Ш-ш-ш, дитя мое, не плачь, мое сокровище.
Слезы никогда не помогут,
Что намерен делать наш враг,
Никогда не пойму...*

«Понары», Шмерке Качергинский²

Человек видит и запоминает навсегда только

¹ Понары (польск.), или Панерияй (литовск.). В 1940 году после включения Литвы в состав СССР в районе поселка началось строительство нефтебазы. Были выкопаны большие котлованы для размещения в них емкостей с горючим. Однако в связи с вторжением немецких войск планы создания нефтебазы были сорваны. Это место находилось в 3 км от железнодорожной станции в уединенной лесистой местности. После немецкой оккупации котлованы стали использоваться для уничтожения гражданского населения. Ежедневно расстреливали до 800 человек. По подсчетам, в период с лета 1941 года было уничтожено до 100 тысяч человек. В казнях принимали участие солдаты из айнзатцгруппы А, эсэсовцы, но в основном литовские коллаборационисты. — *Прим. пер.*

² Еврейский писатель, поэт, журналист, участник антифашистского подполья, член литературной группы «Юнг Вилне». — *Прим. пер.*

один раз – в детстве.

Впечатления детства – это самые яркие картинки и образы, которые сопровождают нас всю жизнь. Все, что появляется в нашей памяти позже, похоже уже на черно-белые фотографии. Ваш первый дом – зеркало вашей жизни, и вы любите его до глубины души. Иногда воспоминание окружает вас и кажется ясным и чистым, а иногда оно кажется прерывистым и неясным. Но всегда есть то душевное состояние, что влечет нас вернуться в тот дом, к воспоминаниям о детстве, к звукам и запахам, где мы знали счастье и чувствовали себя в вечной безопасности. И никакая житейская суета не в силах заглушить голоса тоски.

Память всегда будет возвращать меня в деревню, на кухню, где мама лепит пельмени, а я стою возле окна и не могу насмотреться вдаль.

– Хаим Нахман Бялик

*** * ***

Это история женщины по имени Сара, которая выбралась из леса, где навсегда останутся могилы ее погибших близких.

Сара, которая покинула лес, вышла на свет и вернулась к жизни.

Есть много способов начать ее историю.

Можно сделать это как в старой сказке.

«Жила-была прекрасная женщина, у которой был и любящий муж и прекрасная дочь, и однажды...» Или можно попробовать так: «Много лет назад, задолго до того, как весь мир был перевернут с ног на голову ужасной войной, которая уничтожила и поглотила все и на которой умерли или были убиты миллионы людей...»

Но мы начнем рассказ с тех времен, когда люди были довольны своей судьбой и благодарили Бога за все, что Он им дал.

«В маленькой деревушке, недалеко от города Остров-Любельски и Парчевского леса, счастливо жила семья Шидловских. Отец Яков Мендель и мать Тайба».

Возле их дома раскинулось зеленое поле, где они выращивали овощи и пшеницу, а также устроили прекрасный цветник. Во дворе, в саду, росли яблони и груши, а между ними протекал небольшой ручей. По двору бегали куры, пять коз и две коровы, вымя которых было всегда наполнено молоком.

Яков Мендель и Тайба Шидловски увидели, что их труд благословлен, и возрадовались, и надеялись, что их дом будет наполнен детьми. Они видели благословение во всем, что имели, и были благодарны Создателю за изобилие и великодушные. В своем маленьком домике на перекрестке они засы-

пали в объятиях друг друга, с улыбкой на губах, в своей постели, под мягким одеялом, неустанно благодаря Бога за все, что Он им даровал.

Но в отличие от более веселых сказок и басен, у нашей истории другой сюжет.

Где-то на самом краю неба проснулся Сатана и взглянул на эту семью. Ему было больно видеть маленькое счастье этих людей, небольшой деревенский домик Тайбы и Якова Мендель в Восточной Польше. Он только и думал, как через горы и леса просунуть свои коварные пальцы сквозь их прекрасную страну, запустить их в поля и луга, густые леса и зеленые долины... вглубь безмятежных деревень, где текла такая чистая вода. Даже Бог, к которому люди обращались за помощью, не смог бы им помочь.

Тем временем в своем маленьком домике Яков Мендель и Тайба спали в своей постели и видели свои сны. Они и не подозревали, что где-то на западе уже вынашиваются злые планы и множество темных облаков быстро движутся на восток.

Дом Якова Менделя и Тайбы Шидловских стоял на восточной стороне небольшой польской деревни – Вулька-Заблоцка. Сотни лет в этой мирной деревне жили крестьяне, которые обрабатывали землю. Хотя людей в ней было немного, среди жителей, как евреев, так и неевреев, царили привязанность и дружба. Они всегда жили рядом друг с другом во взаимном понимании и согласии.

Евреи жили как поляки, но дома придерживались иудейских традиций; они неукоснительно соблюдали Шаббат, постились в Йом-Кипур и строили шалаши в праздник Суккот, на который часто приглашали соседей. На Хануку они зажигали свечи меноры, а на Песах садились за пасхальный seder со своими родственниками из соседних деревень или от-

правлялись праздновать со своими семьями в соседний город Острув-Любельски. Евреи из небольшой деревни обязательно приглашали своих соседей-неевреев на праздники и семейные торжества, чтобы праздновать с ними, а в христианские праздники старались навещать соседей-христиан, чтобы вместе радоваться и веселиться.

Если бы в деревню зашел какой-нибудь посторонний, он бы ни за что не смог вам сказать, был ли молочник, который попался ему по дороге, евреем, молящимся лицом на восток, или христианином, верующим в Иисуса Христа. «Мы все фермеры, обрабатывающие свою землю, независимо от религии или расы, – наверняка сказал бы староста их поселка Стефан Шнецки. – Евреи – мои братья; моя мать умерла при родах, а Рахиль, еврейка, выкормила моего брата и меня. Мы всегда называли ее „мамушка Рахиль“».

Откуда Стефан мог знать тогда, что всего через несколько лет, когда первые немцы ступят на их землю и начнут обнюхивать и осматривать их территорию, его собственный сын, пьяница Луций, деревенский бездельник, который сильно страдал в юности, помчится в немецкий штаб в Люблине и предложит немцам свои услуги, свои знания о том, кто «свой», а кто нет, – в обмен на назначение старостой деревни?

В Вульке-Заблоцкой была маленькая деревянная хата, в которой бок о бок жили две семьи. С правой стороны хаты, лицом к Парчевскому лесу, жили бездетные дядя Яков Мен-

дель и тетя Алинка, а с другой стороны, лицом к тропинке, ведущей к центру деревни, жили Яков Мендель и Тайба, родители Шурки. Жители деревни ласково называли братьев «наши два Якова Менделя».

Хата была покрыта красной черепичной крышей, увита вечнозеленым плющом, который взбирался по фасаду, и кустами роз, цепляющимися за стены и украшающими маленький дом красными цветами, за которыми с любовью ухаживала Тайба. Стены были толстыми, с двойными окнами, они надежно защищали обитателей дома от сурового холода снежных польских зим. Из дома открывался прекрасный вид на зеленые поля; из него можно было видеть дороги, ведущие в соседние деревни и даже в город Остров-Любельски, лежащий всего в нескольких километрах отсюда, где с середины XVII века проживала большая община евреев.

Еще оттуда было видно окно дома Хаи Билы, сестры Тайбы, которая жила чуть выше по дороге. На севере тропа вела в деревню Колано, а рядом с ними, на широком открытом поле, жила семья Познанских во главе с деревенским сапожником, который был близким другом Якова Менделя. К востоку от дома тропа тянулась на север, прямо к большому поместью Фрица Любосковица, которым восхищались и которого уважали все жители деревни. Фриц Любосковиц играет важную роль в нашей истории.

Если бы вас пригласили в дом в те дни, можно с уверенностью предположить, что вас приняли бы очень тепло. Ле-

том Тайба подавала гостям свежесделанный лимонад, а зимой усаживала их на скамейку у печи, чтобы они могли согреться и немножко отдохнуть от трудной дороги. Тайба всегда была рада, если между порциями рыбы и свежей халы ее гости рассказывали ей, что происходит в близлежащих деревнях: кто женился, кто (не дай Бог) заболел, кто родил или (не дай Бог) умер. В те дни новости передавали по радио, но в деревнях радио было редкостью, в их деревне оно было только у Фрица. Коммивояжеры приносили новости и сплетни, которые быстро распространялись по деревням.

В центре хаты, рядом с большим обеденным столом, стоял старинный книжный шкаф из орехового дерева, полки которого были заставлены книгами. Легенды Хазаля, «Шулхан арух», молитвенник на Шаббат и праздники, копии Библии, Гемара, Цэна у-Рэна и другие священные книги, иллюстрированные специальными картинками. Все книги передавались по наследству от родителей или покупались у владельца повозки, которая проезжала через деревни и продавала священные книги.

Если бы их дома когда-нибудь коснулись пальцы дьявола, семья всеми силами пыталась бы защитить и спасти эти книги. Но тогда над их головой еще было голубое небо, и они читали свои книги и наслаждались их мудростью как в особые, так и в будничные дни своей жизни.

Рядом с книжной полкой стоял шкаф, в котором хранились под запором тарелки для Песах, приданое Тайбы. Там

были стеклянные и хрустальные изделия, серебро, которое передавалось из поколения в поколение, чашки для Кидуша, подсвечники для шаббата, доставшиеся от родителей Якова Менделя, и, конечно же, богато украшенная чаша для пророка Илии. Сверху на шкафу стояла большая деревянная коробка, в которой хранились бумажные украшения для сукки, которую обязательно возводили на Суккот. Там же находилась и маленькая коробка. В ней Тайба хранила свои драгоценности: рубиновые серьги, золотые браслеты и жемчужное ожерелье, которое она надевала на семейные праздники или во время поездок к родителям и родственникам.

Как и большинство жителей деревни, Яков Мендель был фермером и кормился от имения, которое арендовал у Фрица. Он старательно управлял своим небольшим семейным хозяйством. Осенью пахал, весной сеял, а в конце лета собирал урожай. По утрам он выводил свое небольшое стадо на пастбище, сам доил коров и коз и работал на больших полях своим конным плугом. Тайба во всем помогала ему: кормила кур, собирала яйца, варила сыр из молока и сбивала масло. Часть своих продуктов они продавали соседям или торговцам, проезжавшим через деревню, но большая часть предназначалась для семьи, которая увеличилась с появлением их первенца, дочери Сары.

Как только она родилась, Тайба объявила, что девочку надо назвать Сарой. «Почему?» – спрашивали ее все. И Тайба всем отвечала: потому что она любит Сару, нашу праматерь,

которая была красивой, умной и любимой, «и, может быть, и моя Сара также будет благословлена своим собственным Авраамом». И они прозвали ее Шуркой – Шуркой-красавицей.

Все жители деревни пришли поздравить счастливую семью с появлением новорожденного. Их друзья-христиане, верующие в Иисуса Христа, перекрестились перед младенцем и произнесли молитвы, отдав дань уважения свежими яйцами и лучшими семенами. Их друзья-иудеи принесли вино и возблагодарили Бога Авраама, Исаака и Иакова за этот сверток радости и благословения, а из соседних деревень потоком хлынули родственники, чтобы увидеть прекрасную Шурку и вручить ей свои подарки.

Шурка действительно была необыкновенно красивым и умным ребенком.

– И красивая, и умная, – сказала тетя Алинка.

– Самое главное, что она такая счастливая девочка, – сказала гордая Тайба.

– Еще важнее, чтобы ей повезло в жизни, – сказала Людмила, жена сапожника, и перекрестилась.

Шурку любили все в семье. Ее медового цвета волосы волнами струились по плечам, голос был звонким, как колокольчик, от нее пахло финиками, а смех то и дело разносился из одного конца хаты в другой. Когда она подросла и научилась ходить, то свободно бегала по двору среди животных. Родители с гордостью смотрели на нее, светясь от счастья.

Когда девочке исполнилось два года, в их дом переехала

бабушка Ирена, мать Якова Менделя. Отец Шурки отправился в соседний Острув-Любельски, где бабушка Ирена жила со своим мужем, который владел небольшой швейной мастерской. Когда муж умер, бабушка Ирена осталась совсем одна.

Папа запряг повозку и поехал, чтобы привезти свою мать, а когда на следующий день они вернулись, он громко крикнул: «Шурка, Тайба, идите скорее сюда, бабушка здесь!» – и помог ей спуститься с повозки. Бабушка медленно слезла с повозки и тяжело вздохнула.

– Почему она такая грустная? – спросила Шурка и спряталась за мамин фартук.

– Потому что жизнь у нее тяжелая, – прошептала мать.

– Почему? – дергала мать Шурка.

– Потому что она одна.

– Почему?

– Вопросы, вопросы, лучше иди обними свою бабушку.

Шурка побежала обнять бабушку, которая тут же расплакалась: «Ой я, ой, жизнь моя, ой, ой!»

– Послушай, мама, она даже не рада нас видеть.

Шурка спряталась за Тайбу, которая вытерла слезу со щеки и сказала: «Да, она очень рада нас видеть, но ей также и грустно, потому что она скучает по своему мужу, твоему дедушке».

– Почему?

– Вопросы, вопросы! Иди обними ее, – она подтолкнула

Шурку, вцепившуюся в край ее платья, – дедушка умер и оставил бабушку одну. Теперь она будет жить с нами.

– Почему она одна? – не унималась Шурка.

Но мать ответила: «Хватит, лучше покажи бабушке дом».

– Теперь, Шурка, – сказал папа, укладывая ее спать, – ты должна присматривать за бабушкой. Теперь она будет жить с нами.

– Я рада, что она с нами, – прошептала маленькая Шурка. – Просто чтобы ты знал, она больше не плачет так много.

Шурка обнимала бабушку и вдыхала запах дрожжей, впитавшийся в ее одежду. Она любила пироги, которые пекла для них бабушка.

Когда бабушка переехала к ним, дом наполнился запахами новых блюд. Она умела готовить капусту, фаршированную телятиной, ароматные овощные пироги и сладкую халу. Зимними вечерами бабушка вкладывала в маленькие ручки Шурки комки шерсти и вила из нее нитку, которую скатывала в один большой клубок, а потом вязала всем теплые жилеты и зимние шапки.

– Как хорошо, что бабушка здесь, – говорила маленькая Шурка, и бабушка угощала ее шоколадным тортом, который она называла рогалах.

Вскоре, когда зима закружила снежными бурями, которые накрыли дом, бабушка захотела переехать в дом к брату, в Острив-Любельски. И тогда папа снова запряг лошадей, прицепил телегу, и бабушка уехала.

– Я вернусь весной, – пообещала она Шурке, которая горько рыдала, – тогда же, когда прилетят аисты.

В том же году, за много дней до того, как солдаты Третьего рейха пустились маршировать в своих сапогах и топтать польскую землю, задолго до того, как на Западе начали сгущаться тучи войны, семья решила отправиться в путешествие и переехать в Израиль, на свою возрожденную родину.

Они часто слышали от своих друзей и гостей, что евреи начали возвращаться туда. Старая родина была разрушена и заброшена и нуждалась в таких трудолюбивых людях, как они, которые обрабатывали бы землю и засевали ее, и без усталости работали бы на той земле, которую Бог обещал Аврааму, и заставили бы двухтысячелетнюю пустыню цвести.

Они так надеялись переехать, что уже даже подумывали сменить свою фамилию на еврейскую – Шамир или Шалом. Они мечтали и гадали, что бы они предпочли: горы на севере или центральную равнину. Но их мечтам так и не суждено было сбыться.

«Все могло бы быть иначе, если бы только... если бы... – размышляла Шурка позже, и ее голубые глаза были очень печальны. – Это ужасно!.. Мы бы наверняка переехали в Израиль, если бы не слушали бесконечных историй о трудностях, которые нас там ожидают, если бы папа не беспокоился о нас, если бы... Если бы... Но человек не может предугадать, как его решения, какими бы они ни были, повлияют на его дальнейшую жизнь и жизнь тех, кто ему дорог. Каждый просто

старается сделать все возможное». Она до сих пор помнила волнение, охватившее их маленькую семью. В конце концов, они планировали отправиться в путешествие в страну своих предков, куда-то за море. Это было непростым делом.

Двое молодых вербовщиков из Эрец-Исраэля приехали, чтобы убедить их покинуть Польшу и отправиться в Святую Землю. Маленькой Шурке они тогда казались совсем другими, чем папа, ее дяди и все люди, которых она знала в деревне. Их кожа была темной от загара, они были одеты в странную одежду и не носили шляп, и, что самое главное, они говорили на языке, который она узнала из молитв. Однажды они принесли с собой фрукт оранжевого цвета, который она никогда раньше не видела. Они сказали ей, что это «золотое яблоко».

Уже наступил вечер, а иностранцы все сидели на маленькой кухне, рассказывая историю за историей об этой другой земле, и слушатели жадно глотали их слова.

Иногда они вдруг начинали петь на каком-то смешном языке, показывали свои семейные фотографии небольшого озера, которое они почему-то называли Галилейским морем, и странные деревья, которые они называли пальмами и которых она никогда не видела. Шурка не знала тех далеких мест, которые они так странно называли – «земля Сион», «земля наших отцов», иногда «Иерусалим», а иногда «наша старая родина».

– Она далеко, эта старая родина? – дергала Шурка отца

за штаны.

– Очень далеко, детка, – улыбнулся папа Яков Мендель. – Сначала нужно сесть на поезд, а потом на корабль. Скоро мы все отправимся в Землю Израиля.

– Папа, а что такое Земля Израиля? – спросил Шурка. – Мы поляки, почему ты называешь ее нашей родиной?

– Потому что это наша настоящая родина.

– Что такое родина?

– Это место, где жили наши праотцы Авраам, Исаак и Иаков. И праматери – Сара и Ревекка, – сказала Тайба.

Папа объяснил ей, что Иерусалим – это то место, куда евреи мечтают вернуться, что это очень далеко, за морем. Это место, куда аисты летят на холодную зиму, где всегда греет солнце, а берег моря белый и свежий. Он даже дал ей попробовать кусочек сочного оранжевого плода, который никогда не рос на их дереве.

– Это называется апельсин, или «золотое яблоко», – взволнованно сказал ей отец. – И там, в Израиле, много золотых фруктов.

– Зачем они принесли нам яблоко?

– Помни, моя маленькая Шурка, это апельсин, золотое яблоко. Они принесли его сюда, чтобы показать нам, как плодородна земля Сиона. Там, на земле наших отцов, они начинают восстанавливать нашу старую родину. Люди, строящие ее, называются пионерами.

– А кто такой пионер?

– Какая ты любопытная! Пионер – значит первый. Они первыми возвращаются и начинают отстраивать Сион заново. И им нужны такие крестьяне, как я: люди, которые умеют пахать землю, выращивать яблоки и доить коров. Им нужны люди с такими руками, как у меня. Смотри, смотри, – сказал Яков Мендель и, подняв свои сильные руки, погладил Шурку по голове. – Наш друг Моше Яновский, который жил в соседней деревне, уже уехал. Он будет пионером, а потом настанет наша очередь.

– А они там тоже говорят по-польски, как и мы здесь?

– Нет, – ответила тетя. – Нам придется выучить новый язык.

– Какой?

– Этот новый язык называется «иврит», – сказала Тайба.

– Иврит – язык наших молитв, а теперь его пересматривают и совершенствуют, как и землю, как и наш народ... еврейский народ.

Дядя Яков Мендель и тетя Алинка тоже хотели отправиться в путешествие. Они тоже мечтали построить новую жизнь на земле предков. Они тоже хотели работать на земле исторической родины.

– Вот и прекрасно! – рассмеялась Тайба. – Вся семья снова будет жить вместе.

– Конечно, – сказал дядя Яков Мендель, – мы все в одном доме, одного сердца, в мире и любви.

– Аминь, аминь.

Мама с большим волнением принялась готовиться к путешествию. Она шила простыни, вышивала скатерти и даже выставила часть мебели на продажу.

А папа научил их говорить на иврите несколько слов: «вода», «молоко», «сыр» и «спасибо».

– Ма-им, маа-им. – Шурка попыталась произнести новое слово на иврите, чем всех очень рассмешила.

Шурка повторяла и повторяла смешные слова, а вечером произносила их своей мягкой тряпичной кукле Алинке, которую получила в подарок на день рождения. Она обещала, что научит ее новым словам, которые выучила сама, потому что очень скоро они все будут говорить на другом языке в другой стране. А вечером папа расскажет им о праотцах, которые жили в Израиле, о Саре и Рахили, о царе Давиде и о Храме, который стоял на вершине гор. В этой земле были золотые песчаные дюны, золотые яблоки и пальмовые деревья. Шурка заслушивалась историями об Аврааме, Исааке и Иакове, а также Иосифе и его братьях. Она уже начала мечтать о том далеком месте, Земле Израиля. Только бабушка Ирена тихо ворчала в своей комнате. Она не понимала, что такого в той далекой земле, чего нельзя было найти здесь.

– В конце концов, Польша – наша родина, – твердила она, но папа говорил ей, что иммигрировать в страну праотцов – это большая мечта. Мечта, которую нужно осуществить.

Но вскоре в эту маленькую деревушку на востоке Польши начали доходить слухи об исторической родине.

Однажды к дому Тайбы и Якова Менделя подъехала запряженная двумя лошадьми карета и из нее вышел их сосед Моше Яновский. Он был с красным лицом и сильно похудевшим, по сравнению с тем, каким они видели его в последний раз. Тайба выглянула из окна и поспешила на улицу поприветствовать гостя.

– Моше Яновский, откуда ты здесь? Я думала, вы все там, в Земле Израиля.

– Как видишь, я снова здесь, в нашей Вульке-Заблоцкой, – грустно ответил Моше.

– Что-то случилось?

Он ничего не ответил, а лишь спросил, где может найти двух Яковов Менделей. Тайба все сразу поняла. Она кивнула и послала Шурку позвать отца, чтобы тот поскорее приехал. Когда два Якова Менделя услышали, кто их гость, они тут же бросили дойку и поспешили в дом.

– Ура, Яновский-герой! – кричали они ему издалека, приветственно махая руками.

Вскоре крики радости сменились криками скорби, и с каждым словом, которое произносил Моше Яновский, лицо Якова Менделя краснело.

– Мы все равно должны поехать туда, несмотря ни на что, – громко сказал он своим властным голосом.

– Но как? Ты же слышал, что он сказал, – запротестовал дядя Яков, сразу начавший отступать от планов.

– И все же мы иммигрируем в Израиль.

– Вы сумасшедший человек, – сказал Яновский. – Люди мрут там как мухи от малярии.

– Несмотря ни на что, несмотря на вспышку малярии, несмотря на то что там нет работы, а земля тяжелая и коварная, – отвечал он, – это наша историческая родина! Им нужны такие люди, как мы, рабочие.

– Правильно, но, может быть, вам лучше немного подождать, – сказал Моше Яновский. – Может быть, еще не время.

– Сколько же нам ждать? – спросил Яков Мендель. – У нас уже есть все проездные документы и разрешения, и кто знает, что будет дальше. Мы должны действовать, а не ждать. Мы должны восстановить нашу родину.

Папа Яков Мендель был упрям и настаивал на том, что они непременно должны ехать, хотя Тайба и тетя Алинка были сильно обеспокоены. Они твердили, что, возможно, Моше прав, что, может быть, лучше подождать, пока ситуация не станет более стабильной.

– Наша Шурка еще совсем маленькая, – сказала Тайба, – давай подождем немного – что в этом плохого?!

– Мы ждали две тысячи лет, можем подождать еще две, – добавила тетя Алинка.

Яков Мендель вышел во двор и принялся ходить взад-вперед, с серьезным выражением лица и нахмуренными бровями. Он скрутил одну из тонких сигар, которые позволял себе в редких случаях. Моше Яновский и дядя Яков Мендель

стояли и молча наблюдали за ним.

Тайба вышла к мужу. Они долго о чем-то говорили, а когда он наконец вернулся в дом, глаза его были грустными, а улыбка исчезла, казалось, навсегда.

На следующее утро двое Яковов Менделей объявили, что они решили пока отказаться от своих планов.

– Только на время, – подчеркнул папа.

– Что случилось? – спросила Шурка у матери.

– Ты разве не слышала?! – проворчал отец, и она спряталась в мамин фартук.

– Все кончено. Решили, что мы не поедem, – сказала Тайба дочери с грустью в глазах, – пока не поедem.

– Почему? Почему, мама? – приставала к матери Шурка. – Ты же говорила, что там хорошо, тепло и мне обязательно понравится, и еще ведь там растут золотые яблоки!

– Потому что мужчины говорят, что еще не пришло время.

Яков Мендель махнул рукой в сторону широких полей, указал на цветник и сказал:

– Сейчас мы останемся здесь, пока там, на земле наших праотцов, условия не изменятся. Я не хочу, чтобы моя семья голодала, не дай Бог. Давайте подождем. Может быть, время действительно еще не пришло.

Много лет спустя, когда Шурка приехала в Землю Израиля и все называли ее бабушкой Шуркой, она рассказывала своим внукам: «Папа верил, что в течение года мы соберем

и продадим все наши вещи и уедем в Израиль. Может быть, даже через два года, когда мы будем уверены, что наша новая родина готова нас принять, пообещал он. И мы терпеливо ждали. Мы верили ему, что, несмотря ни на что, все равно доберемся туда. И в конце концов, нам тогда было хорошо и в Польше. Откуда мы могли знать...»

Дни летели быстро, пока Шурке не исполнилось четыре года. Ее любимым местом в родительском доме было кухонное окно с ярко-синей занавеской с вышитыми красными и синими лесными цветами. Она могла сидеть там часами, втиснувшись между двойными рамами, и смотреть на открывающийся перед ней мир. Даже сейчас, после всех прошедших лет, Шурка хорошо помнит эти виды из окна родного дома. Они – часть ее. Они – альбом ее детских воспоминаний. Отсюда она когда-то часами замороженно смотрела, как падает снег, как на окнах распускаются цветы инея, как весной зеленеют поля, она нежно гладила лучи солнца, когда они падали на стекло. Она любила наблюдать. Она впитывала окружающий мир своими глазами.

– Смотри, мама! – радостно кричала она, пытаясь схватить солнечный луч в свои руки. – Смотри, как красиво!

И мать обнимала ее и шептала дочери, что она тоже когда-то любила смотреть и наблюдать, и до сих пор хранит эти прекрасные образы в своем сердце.

– И если Бог пожелает, то же самое будут делать и твои дети, и дети твоих детей, – молча молилась Тайба.

– Это лучшее место в мире, правда, мама?

– Конечно!

Откуда они могли знать тогда, что настанет день, когда от их красивого деревянного дома, в котором царило это безмятежное счастье, останется лишь горстка пепла? Что чья-то злая рука безжалостно сотрет с лица земли все, что было построено с такой любовью. Как можно было тогда, видя всю эту красоту, знать, сколько горя и зла в мире?

А наша маленькая Шурка любила прижиматься лицом к холодному оконному стеклу, махать маленькими ручками деревенским ребятишкам, возвращавшимся из школы и подбрасывавшим в воздух свои портфели, звать папу и дядю Якова Менделя, когда они занимались своими делами: кормили пшеницей кур, чистили лошадей, доили коров, пропахивали, вспахивали поля или сеяли лук и морковь.

– Папа, посмотри на меня, я здесь! – кричала она, и папа ставил ведра на землю, улыбался ей, вытирал пот с лица и снова продолжал работу. Иногда он подходил к окну и протягивал ей стручок гороха или цветок каштана.

Мама Тайба была занята на кухне, ее быстрые руки буквально танцевали по синей клеенке на столе, спеша приготовить ужин для семьи. Она разминала свежий, только что сорванный с грядки кочан капусты, из которого делала кислый салат и украшала его ломтиками моркови. Она нарезала кабачки и лук и перемешивала их в большой кастрюле с супом, а из молока, которое приносил ей Яков Мендель,

сбивала сыр и сметану. Тайба отбивала шарик теста, пока он не становился мягким и эластичным, затем раскатывала его и вырезала из него широкие кружки. В центр каждого кружка она клала картофель и лук, умело защипывала края и бросала в кипящую воду. А когда мама была занята, Шурка подтаскивала деревянный стул, который был выше ее, осторожно взбиралась на него, а оттуда на деревянный шкаф. Рядом с собой она ставила свою Алинку. Девочка складывала свои маленькие ножки на деревянной доске, прижимала голову к прохладному оконному стеклу и смотрела на большую грушу, которая росла прямо перед ней, тяжелые ветви дерева качались на ветру, ласково глядя стены дома. Маленькая Шурка была уверена, что груша танцевала только для нее, кланялась ей странным образом и жестами приглашала ее выйти и полазать по ней.

– Довольно, моя девочка, пора спускаться, – дергала Шурку мама Тайба. – На окне еще холодно, садись рядом со мной и веди свою Алинку. Может, попробуешь супчик из свеклы, который я сварила.

Шурка оторвалась от окна, прыгнула со шкафа в объятия Тайбы. Она рассказала матери о ветре, который нагнал черные тучи и разбросал кучу соломы, и о грушевом дереве, которое покрылось белыми цветами.

– Хватит бездельничать, лучше помоги мне месить тесто, – засмеялась мама, всовывая в руки дочери кусочек мягкого теста и показывая ей, как скатать его в шарик и бросить

в кастрюлю с кипящей водой. Кукла Алинка тоже получала свой собственный крошечный шарик теста. Затем мама дала Шурке маленькую корзинку, и они вдвоем аккуратно собрали яйца из курятника, сложив их в кладовку рядом с кухней. Часть яиц они продавали другим фермерам в обмен на яблоки или муку.

Дважды в год, в дни перед Песах и Рош ха-Шана, еврейским Новым годом, к их дому в деревне приезжал фургон торговца стеклом. Это был Мотель Шидловский, двоюродный брат Тайбы.

Подъезжая к дому, он всегда кричал: «Привет, кузина!», и Тайба выбегала к нему, предлагала горячую еду и узнавала все семейные новости: кто обручился, кто женился, кто ждет ребенка или уже родил.

– А это для самой красивой кузины в Польше, – говорил Мотель Шидловский и дарил Тайбе одно из блюд со стекольного завода, где он работал. Счастливая Тайба рассматривала новое блюдо и ставила его среди другой стеклянной посуды, убранной для особых случаев.

– Может, останешься у нас на ночь? – предлагала Тайба, но кузену всегда приходилось торопиться. Нужно было объехать еще много деревень.

– Увидимся на Песах! – кричал Мотель, погоняя лошадей.

В дом приходили и другие гости. Тайба часто останавливала торговца тканями, приезжавшего из Остров-Любельского, или торговца кастрюлями и сковородками из Парчева,

и торговец спрашивал:

– Привет, евреи, как у нас дела сегодня? Господин Яков Мендель дома?

– Какого господина Якова Менделя вы ищете? – спрашивала Тайба.

– А сколько здесь Яковов Менделей?

– Всего двое, – смеясь, отвечала Тайба.

Тайба была сама радость и смех, а тетя Алинка, напротив, была мрачной и грустной. С утра до вечера она драила и чистила свой дом и ругала соседских детей, которые играли возле дома или пели в поле прямо напротив него. В ее суровом лице и жестких глазах чувствовалась какая-то тяжесть.

Дети при виде нее разбегались во все стороны.

– Мама, – говорила Шурка, – а ты знаешь, что тетя Алинка иногда похожа на злую ведьму из сказок, которые ты мне рассказываешь?

А Тайба ласкала и успокаивала ее.

– Тебе не следует так говорить о ней.

– Мама, но она...

– Понимаешь, у тети Алинки нет своих детей. Она ворчит, но в душе ей от этого очень грустно. Потому что у нее нет такой прекрасной принцессы, как у меня.

По вечерам папа Яков Мендель приводил коров с пастбища и торопил их во двор. Закончив с фермерскими делами, семья обычно сидела в уютной маленькой кухне. Папа читал из своей книги, а мама подавала ужин, а затем сажала свою

милую девочку на колени и рассказывала ей разные истории: о золотых рыбках, принцессах и ведьмах, голодных волках и храбрых детях.

* * *

Когда дни стали короче и подули холодные ветры, аисты исчезли из своего большого гнезда, которое они построили на вершине электрического столба.

– Мама! – закричала Шурка. – Смотри, гнездо исчезло. Что случилось с моими аистами? Кто их украл?

– Никто не трогал аистов, моя милая девочка, – рассмеялась Тайба. – Они просто улетели в дальнее путешествие.

Шурка удивленно посмотрела на маму.

– Путешествие? Аисты поехали на поезде?

– Они полетели.

– Куда они полетели?

– Далеко отсюда. Они улетели в теплые края, где растут апельсины и пальмы, какие мы с тобой видели в книгах, которые оставили пионеры.

– Мама, пожалуйста, – взмолилась Шурка, – попроси их вернуться поскорее.

– Не волнуйся, – рассмеялась Тайба. – Они обязательно вернутся к нам весной, они прилетают каждый год. Они почистят свое гнездо и отложат яйца, и из них снова вылупятся птенцы, а ты, моя милая девочка, будешь приносить им воду

и семечки.

Прошло время, и Шурке исполнилось шесть лет. Она носила две косы, в которые мама вплетала ей голубые ленты. В один из первых весенних дней солнце стояло так высоко, что его нежные лучи освещали лепестки первых цветов, которые распустились во дворе, и щедро заливало ярким светом большие поля. Когда снег за окном совсем растаял, Шурка смогла вернуться на свое любимое место и посмотреть на проснувшийся мир.

– Пойдем, моя малышка, – Яков Мендель взял на руки дочь, – пора тебе выйти из дома и немного прогуляться.

Тайба повязала Шурку шерстяным платком, попросила Якова Менделя лучше присмотреть за девочкой и махала им на прощание, пока лошадь с повозкой не скрылись из виду. Лошади скакали по дороге, ведущей в Острув-Любельски. День был ясный и яркий, и Шурка жадно вглядывалась во все, мимо чего они проезжали. Она видела, как фермеры чинят изгороди, сломанные зимними бурями, и как молодые телята бегают по полям. Когда они подъезжали к городу, девочка увидела большой лес за холмами и зеленеющими полями.

– Папа, посмотри, что это там, за полями? – Она потянула Якова Менделя за рукав и указала на лес, где далеко-далеко переплетались верхушки высоких сосен, а старые дубы стояли густые и крепкие.

– Где?

– Вон там, далеко, вон там... что это? Ты не видишь? Вон там, смотри, папа!

Она не понимала, почему отец не видит прямых белых верхушек деревьев, которые свободно колыхались и шумели на ветру, уходя в самое небо.

– Папа, смотри, вон там деревья танцуют. Смотри, как красиво!

– Я не вижу ничего красивого в этом лесу.

– Как он называется?

– Это Парчевский лес. И запомни навсегда, это плохое место.

– Пожалуйста, папочка, давай поедem туда, – умоляла Шурка, но отец приложил палец к губам, что значило – надо замолчать, а потом сказал, что это невозможно. Парчевский лес был опасен, нехорош для людей – там были болота, кишашие комарами, и людям, а тем более маленьким детям, делать там было нечего.

– Помни: никогда не ходи в лес! – сказал отец очень грозно и подстегнул лошадей.

На следующее утро Шурка рассказал Тайбе об их поездке.

– Мама, я видела большой лес Парчев. Пожалуйста, отведи меня туда.

Казалось, туча пробежала по лицу Тайбы.

– Нет-нет-нет. В этот лес входить запрещено!

– Почему? – упрямилась маленькая Шурка. – Ну почему туда запрещено ходить?

– Потому что Парчевский лес похож на темный лабиринт, и тот, кто его не знает, может свернуть не туда и никогда не найти выход. А тот, кто плохо знает тропы, может поскользнуться и упасть в болота.

– А там есть еще волки и злые ведьмы?

– Ведьмы бывают только в сказках. Хватит, девочка моя.

– А волки?

– Я не знаю.

Шурка приподнялась на цыпочки, надеясь, что ей удастся увидеть волков и ведьм в большом лесу.

– Знаешь, Иван, сын прачки Маришки, рассказывал мне, что иногда, когда его мать занята, он берет лошадь и уезжает далеко-далеко, в лес.

– Один в большой лес? – удивилась Тайба. – Но большой лес очень далеко отсюда.

– Да, он мне сам так сказал. А однажды Иван даже принес мне сладкий фрукт, который называется черника, который он там сорвал. И еще он сказал, что в большом лесу есть золотые ящерицы и птицы с алмазами на головах.

– Иван – дурачок. Он сам не знает, что говорит.

– А можно мне с ним поехать, хоть разок? Он обещал при-смотреть за мной. Ну, пожалуйста, мама.

Таинственный лес взбудоражил ее фантазию.

– Ни в коем случае, – твердо сказала Тайба. – Маленькие девочки в лес не ходят.

И, увидев, как сморщилось лицо Шурки, Тайба обняла

дочь.

– И хватит выдумывать. Лучше помоги мне раскатать тесто. Мы вместе испечем яблочный пирог.

Но Шурка была очарована сказками большого леса.

– Еще дедушка рассказал Ивану, что там, в лесу, ходит лесной царь, и он очень злой. Он ломает деревья и ищет души маленьких детей.

– Хватит, Шурка. Я уже достаточно наслушалась этих сказок! – отругала ее Тайба. – Лесной царь – это сказка, которую придумали люди. А теперь помоги-ка мне лучше с тестом.

Но Шурка была упрямой.

– Он сказал, что лесной царь ищет младенцев, а потом забирает их души. А если он не может найти младенцев, то ловит детей, а потом и взрослых. Мама, это правда? А меня он тоже поймают? – И Шурка разрыдалась.

Тайба, как и все жители деревни, слышала легенды о лесном царе. Она посадила маленькую Шурку к себе на колени и стала ее утешать.

– Не слушай Ивана. Он просто тебя пугает. Это все сказки. Не волнуйся, моя маленькая принцесса, мы с папой всегда тебя защитим. Мы никому, и уж тем более лесному царю, не позволим причинить тебе зло.

Тайба прижала к себе маленькую Шурку, словно пытаясь защитить ее, а Шурка обняла свою куклу Алинку и тоже пообещала защитить ее от злых волков.

– Только никогда не ходи в лес одна... обещай мне.

– Никогда, никогда, никогда, – пообещала Шурка. Она хорошо поняла: там опасно. В лесу бродили злые волки.

Так Шурка научилась бояться Парчевского леса. Откуда она могла знать, что всего через несколько лет именно этот лес спасет и защитит ее от волков, собравшихся на западе.

Польское еврейство между двумя мировыми войнами

После обретения Польшей независимости в 1918–1920 годах в сотнях городов и местечек начались антиеврейские погромы.

Евреи кое-где составляли более 30 % населения главных городов Польши. В 1931 году в Польше (включая Данциг) проживало 3 131 900 евреев. Кажется, за восемь лет до начала Второй мировой войны их число возросло до 3 300 000, что на тот момент было крупнейшей диаспорой.

Национальное движение в Польше уже тогда рассматривало евреев как чуждый и даже вызывающий беспокойство элемент. В то время как польская интеллигенция и либеральные круги еще пытались призывать к включению евреев в общество, в действительности большая часть еврейского населения продолжала жить отдельно, в изолированных общинах и отдельных кварталах, и подвергалась враждебному отношению со стороны своих польских соседей.

Во второй половине 30-х годов антисемитизм в Польше

достиг нового пика. Основная масса населения широко поддерживала идею лишения евреев права проживания в Польше или, по крайней мере в части страны. Евреи Польши подверглись суровому обнищанию. Это унижение отражало раскол в стране и ее общую бедность.

В области образования, культуры, общественной и политической деятельности евреи пользовались большой свободой, а иногда даже получали поощрение и поддержку со стороны государства. Польское еврейство стало эпицентром мирового еврейства с точки зрения национальной, политической, социальной и культурной активности. В то время польские евреи, несмотря на снижение своего экономического положения, придерживались традиционных ценностей и поэтому были особенно преданы идеологической и национальной сферам деятельности. Это включало создание еврейских театров, газет, литературных салонов и многих культурных мероприятий, а прежде всего – независимые инициативы по защите существования евреев в Польше и активную сионистскую организацию, активно стремящуюся привлечь молодежь к иммиграции в Землю Израиля.

И снова весна вернулась в Марьяновку, и снова взошло солнце, и Шурка смогла выйти во двор после долгой зимы. Они посадили новые луковицы на клумбы с бархатцами и хризантемами. И, как и обещала мама, любимые Шуркины аисты вернулись в свой дом на верхушке длинного шеста и принялись восстанавливать старое гнездо. Шурка так радовалась им, и каждое утро они с Тайбой выставляли под шестом свежую воду и семечки. Мама сказала ей, что аисты теперь будут заняты высиживанием яиц и воспитанием своих маленьких птенцов.

Однажды, когда Шурке было еще четыре года, мама сказала ей, что она, как и аисты, тоже ждет птенца.

– Но у людей не бывает цыплят.

– Да, верно! – рассмеялась Тайба. – Человеческий птенец – это детеныш. И очень скоро у нас будет детеныш, а у тебя будет брат или, может быть, сестренка.

– Я хочу сестру, – сказала тогда Шурка. – Мы вместе будем играть с моими куклами.

Шурке было четыре года, когда родилась ее сестра Девора. Три года спустя в семье появилась еще одна дочь. С тех пор, когда мама тяжелела и поддерживала спину обеими руками, Шурка знала, что скоро в семье родится новый ребенок, и что сладкий запах младенца снова наполнит маленький дом, и что мама будет еще более занята... и что у нее появятся новые обязанности.

– Ты у меня старшая, – говорила мама, обнимая Шурку. – Я завишу от тебя, моей помощницы.

Брат Шурки, Шломо, родился несколько лет спустя, когда ей было десять лет, и она училась в начальной школе.

И снова наступила весна, и маленький сад, окружавший дом, зацвел желтыми, фиолетовыми и красными цветами.

Запах сирени наполнял воздух благоуханием. Куры снова бродили по двору, и мама разрешила Шурке выйти поиграть с соседскими детьми. Они носились по просторному полю перед домом, делали из камней ворота и забрасывали в них большой тряпичный мяч. Они бегали наперегонки, играли в прятки и догонялки или просто бродили, собирая цветы в поле.

Маленький Шимон, которого все называли «Шимлех»,

был среди товарищей Шурки. Он был сыном Менахема Лейба и Лии Зурской, добрых соседей, которые жили в доме напротив. Маленький Шимлех бегал с детьми, бросал мяч и изредка поглядывал на Шурку.

– Любит, не любит, – бормотал он, обрывая лепестки с цветов. Однажды он набрался смелости и пошел к Шуркиному дому, где выпрямился во весь рост и серьезным голосом заявил: «Когда мы вырастем, я хочу, чтобы ты стала моей женой».

Шурка была ошеломлена и начала плакать, а Шимлех протянул ей белый платок и сказал: «Пожалуйста, не плачь. Я хочу жениться на тебе, только на тебе. Что ты скажешь? А, Шурка?»

Она покраснела и убежала в дом.

– Прямо так и сказал? – рассмеялась мать, когда Шурка рассказала ей, о чем просил сын соседа.

– Прямо так. Брак... это как у тебя с папой?

– Ну конечно.

– А, ну тогда я женюсь на Шимле.

– Послушай, – сказала тогда мама, – не нужно торопиться с решением. – У тебя будет еще много женихов. Просто нужно выбрать именно того, кто лучше всего подходит тебе.

И Шурка представляла себе, что у нее, как и у мамы, тоже будет семья, и она тоже будет разливать холодный лимонад проезжающим торговцам, а весной будет собирать спелые груши с дерева, которое обязательно будет расти в ее

саду.

Тогда она еще не знала, что договор с Сатаной уже подписан и что судьба вот-вот изменит свой ход. Шимлех, ее первый поклонник, однажды утром, когда посланники дьявола придут исполнять приказы своего господина, потеряет отца и братьев. Она также не могла знать, что семье, которую она себе создаст, придется бежать далеко от этой груши, далеко от окна, которое она любила, и что они будут вынуждены прятаться в большом лесу, о котором ей рассказал Иван, сын прачки.

На праздник Песах семья отправлялась в гости к родителям Тайбы, дедушке Шмуэлю и бабушке Ханне. Они жили в соседнем городе Острув-Любельски, недалеко от стекольного завода, которым управлял отец Тайбы. Это был самый большой город, который видела Шурка.

Тайба всегда заранее готовилась к поездке: пекла овсяное печенье, наполняла банки грушевым джемом, укладывала горы одеял и праздничной одежды. Папа Яков Мендель запрягал серую лошадь в повозку, нагруженную четырьмя детьми, хорошо укрывал их одеялами, свистел лошади, и они отправлялись в путь.

Шурка любила навещать бабушку и дедушку. Ей нравились сладкие запахи стряпни, наполнявшие большой дом, и огромная кровать дедушки с разбросанными мягкими подушками, среди которых Шурка легко могла спрятаться. А бабушка, у которой всегда были для нее особые сладости,

перед сном рассказывала ей истории о принцессах и рыцарях. Но было кое-что еще. Шурка знала, что бабушка Ханна всегда приберегала для нее остатки ткани – мягкий хлопок и разноцветные шелка, а также другие заманчивые лоскутки, которые она откладывала из своих обширных запасов. Бабушка Ханна была опытной торговкой, которая вела разные дела. Продажа тканей была одним из них.

– Вот, возьми это и попроси маму сшить тебе новую юбку или платье для твоей любимой куклы Алинки.

Позже бабушка сказала Тайбе, что у девочки должна быть профессия, и предложила, чтобы Шурка, когда подрастет, научилась шить.

– Швея – хорошая профессия.

– У нее еще есть время, почему она должна решать сейчас?

– Ребенок любит ткани и любит смотреть, как я шью, и не забывай, что это может быть очень прибыльным делом. В наши дни девушке нужна профессия и, заметь, не такая, как у тебя, с вечно грубыми руками от всего этого деревенского труда, – сказала бабушка, и Тайба знала, что ее матери не нравится, что такая красивая молодая женщина, как она, работает на ферме.

– Мама, я люблю то, что я делаю. У нас хорошо идут дела, прекрасная ферма, и все это благодаря нашему собственному труду, – запротестовала Тайба, но бабушка Ханна только кивнула.

Вечерами, накануне праздников или по пятницам, соседи и друзья из деревни и ближайших деревень собирались в доме дедушки Шмуэля и молились в большой комнате, которая служила сельской синагогой. Женщины в соседней комнате слушали голоса молящихся мужчин; они тихонько болтали или присоединялись к общей молитве. Шурка тоже любила молиться со всеми. Она рассматривала молящихся через деревянные щели, видела их закрытые глаза и удивлялась, как они покачивались из стороны в сторону, завернутые в белую ткань, которую папа называл «талит».

Праздник Симхат Тора семья отправлялась праздновать в город Острув-Любельски, где, как объяснил Шурке папа, была большая еврейская община.

– И там правда евреев больше, чем в нашей деревне?

– Намного больше, – сказал папа, – там треть всех жителей – евреи. Более полутора тысяч.

– И у всех достаточно яиц?

– Конечно. Они торгуют; покупают дешево и продают по дороже.

– Что они продают?

– В основном одежду, обувь и ткани.

Еврейская община Острув-Любельского была старой, и дела в ней шли очень хорошо. В синагоге с гладкими стенами и круглыми окнами Шурка и Тайба поднимались в женскую часть, где любили смотреть, как раввин очень осторожен, словно держа новорожденного ребенка, вынимал из дере-

вянного шкафа свиток Торы, покрытый вышитым шелком. Он нежно целовал свиток, молился, пел и танцевал с ним. После этого раввин передавал его другим мужчинам. Когда приходила очередь Якова Менделя, Шурка, держась за его пальто, бежала за ним, гордая за своего отца. Затем папа передавал Тору кому-то другому, поднимал Шурку на плечи и танцевал. Иногда поляки приходили разделить с евреями их праздник, приносили с собой хорошее вино, восторженно аплодировали пению и танцам.

Увы, сегодня на месте, где когда-то стоял храм, стоит ничем не примечательный, обычный дом, а некогда прекрасная синагога превратилась в заброшенное хранилище одежды. В городе не осталось и следа от величия этого здания. Звезда Давида, нарисованная на нем, исчезла, как и семисвечник, стоявший у большого входа. Свиток Торы, завернутый в шелк, давно обратился в пепел.

И жизнь продолжалась своим чередом.

Как будто ничего не могло случиться.

На Рош ха-Шана, еврейский Новый год, Шурка получала новую зимнюю одежду. На Суккот из стволов вязов, которые росли в лесу, два Якова Менделя строили сукку, временное сооружение в тени, напоминающее о выходе израильтян из Египта. Вокруг стен они натягивали белые простыни, а Тайба развешивала бумажные украшения, которые всегда делала сама. На Хануку папа делал Шурке менору из дерева, которую она раскрашивала и украшала золотыми звездами. Но

из всех еврейских праздников Шурка больше всего любила Песах. Она впитывала аромат весенних цветов, прикасалась к мягким нежным листьям, которые проросли на ветвях деревьев, и танцевала на полях, которые ласкало солнце после долгой снежной зимы. Больше всего в доме бабушки и дедушки она любила праздничную трапезу. Вся семья собиралась за праздничным столом Седера, элегантно одетая в свои лучшие праздничные наряды. Серебряные подсвечники, специально начищенные к празднику, украшали стол, накрытый белой скатертью и уставленный синей фарфоровой посудой. Для Шурки все это было словно из волшебного мира сказки.

Почетной обязанностью Шурки было открывать дверь пророку Илии. Она была уверена, что пророк посетил их дом и выпил сладкое вино, которое они для него приготовили. «Скоро он придет к нам с Мошиахом бен Давидом», – пели они, и Шурка, у которой уже закрывались глаза после вкусной еды и долгой службы Седера, просила родителей не забыть разбудить ее, когда придет Илия, потому что она очень хотела подарить ему серебряную чашу, которую Тайба и Яков Мендель обычно держали в деревянном шкафу.

«У нас все было хорошо, – скажет Шурка внукам много лет спустя. – Мог ли кто-нибудь знать?.. Тогда было так хорошо, от той счастливой жизни, что мы там прожили, теперь остались только воспомина – ния».

Когда Шурке исполнилось шесть лет, она, как и все деревенские дети, пошла в польскую школу в соседнем селе. Школа представляла собой небольшое каменное строение, окруженное цветником.

Каждое утро деревенские дети – и евреи, и христиане – собирались возле Шуркиного дома и ждали ее, чтобы пойти вместе на уроки. Детей было немного, с ранцами за спиной, они пели и гонялись друг за другом по дороге в школу, или соревновались, кто найдет самый круглый камень, или кто первым увидит зеленую птицу. Старшие дети шли впереди и присматривали за младшими.

Зимой Тайба приходила забирать Шурку из школы и надевала ей галоши, чтобы она могла идти по снегу.

- Расскажи мне, малышка, как прошел сегодня твой день.
- Все хорошо, мама. – Шурка обняла маму за шею.
- А когда учитель спрашивал тебя, ты знала ответы?
- Я отвечала правильно и получила золотую звезду.
- О чем тебе больше всего нравится узнавать в школе?
- Мне нравится слушать о том, как все было давно-давно, узнавать о том, как люди жили раньше.

Шурка помахала одноклассникам на прощание. Тайба надела на Шурку пальто и застегнула его.

В четвертом классе Шурку выбрали вести классный жур-

нал, и эта работа ей очень понравилась.

– Из всех детей выбрали меня, – сказала она отцу тем вечером, сидя и усердно записывая что-то в журнал. – Учительница сказала, что я несу ответствен – ность.

– И еще – внимательная ученица, – с гордостью добавила Тайба, – которая всегда знает ответ на вопросы учителя.

И папа Яков Мендель с гордостью посмотрел на свою дочь.

В школе в Вульке-Заблоцкой, как и в других небольших деревнях поблизости, дети учились до четырнадцати лет. Лишь немногие поступали в среднюю школу в соседнем городе.

Девочки, как правило, не продолжали учебу, восьми лет обучения им было вполне достаточно. Но Шурка была среди немногих девушек, которым посчастливилось пойти дальше.

Когда Шурке исполнилось пятнадцать лет и она уже была красивой молодой девушкой, семья решила, что пришло время ей освоить профессию. Этого очень хотела мама, того же хотелось и Шурке. Но им пришлось преодолеть сопротивление Якова Менделя, который совершенно не понимал, зачем дочке нужна профессия.

– Она должна жить здесь и помогать тебе.

– В наше время ей бы не помешало уметь что-то еще, помимо ухода за курами.

– Совсем скоро она выйдет замуж, и тогда муж будет заботиться о ней.

Тетя Алинка тоже поджала губы, услышав эту идею.

– Зачем? Пусть остается дома и помогает, – сказала она. – Тайба, не забывай, у тебя еще трое детей, за которыми нужно присматривать.

– Я справляюсь, и Деворалех помогает мне во всем.

– Ты же не училась, – упорствовал дядя Яков Мендель.

– Женщине нужна профессия, – настаивала Тайба.

– Как сказал мой дорогой шурин, место дочери – в ее семье, пока не придет день, когда она выйдет замуж и построит свой собственный дом. С каких это пор девочкам стало нужно больше этого?

Тетя заспорила, а Яков Мендель сказал, что в его время девочки даже не учились читать...

– Времена изменились, Яков Мендель, – сказал Тайба, – дует ветер перемен. В наши дни даже таким красивым принцессам, как наша, нужна профессия.

В конце концов Яков Мендель сдался.

– Я понимаю, – сказал он, проводя рукой по бороде. – И чему ты хочешь научиться, дитя мое?

Шурка сразу ответила, что подумывает научиться шить.

– Почему шитье? Что плохого в том, чтобы управлять

фермой, как мама? Я научу тебя ухаживать за овцами, доить, помогать коровам рожать.

– Но мне это неинтересно.

– А если когда-нибудь мы переедем на землю наших предков...

– Тогда я смогу шить одежду для пионеров.

– Но почему именно шитье?

– Потому что это то, что я люблю делать.

– Ты еще любишь рассказывать истории своей сестре Руске.

– Всегда полезно уметь шить. Если хочешь, я сошью тебе новое пальто, – настаивала Шурка, а мама подошла к коробке с одеждой и показала папе затейливые платья, которые Шурка сшила для своей куклы Алинки из лоскутков ткани, подаренных бабушкой Ханной. Там были также кружевные фартуки, плиссированная юбка, которую она сшила для своей сестры Деворы, и шарф, который она связала для своего брата Шломо.

– Посмотри сам, Яков Мендель, наша девочка талантлива, – сказала мама и указала на зеленое праздничное платье, которое сшила для нее Шурка. – И не забудь, что после того, как она найдет жениха и выйдет замуж – даст Бог, – она будет шить одежду для наших внуков.

Шурка покраснела.

Яков Мендель улыбнулся. Мысль о внуках, которых он когда-нибудь будет качать на коленях, всегда наполняла его ра-

достью, и он поцеловал свою дочь.

Было решено, что Шурка будет обучаться своему ремеслу в соседнем городе Острув-Любельски, где обучали шитью и вязанию.

Вопрос был в том, где она будет жить. Шурка попросила разрешения поселиться в доме своей подруги, которая уже училась в городе, но родители считали, что порядочная девушка не может быть предоставлена сама себе, а должна жить под присмотром своих родственников. Поэтому ее отправили в дом тети Мины, старшей сестры Якова Менделя.

– У моей сестры большой дом, – заверил дочь Яков Мендель, когда они уже покинули деревню. – Тебе там будет хорошо.

Они решили, что Яков Мендель привезет Шурку в город и позаботится обо всем, чтобы устроить ее там с комфортом.

По пути они снова проезжали мимо большого леса.

– Видишь? Это Парчевский лес. – Папа показал в сторону больших дубов, раскачивавшихся от ветра.

Шурка посмотрела, куда показывал ей отец, и сказала:

– Я хорошо помню, как однажды, когда я была еще маленькой, ты взял меня с собой, и тогда я впервые увидела этот лес.

– Тогда мы ехали другой стороной, – заметил отец.

– Да. Но он был такой же большой.

– Тогда ты была совсем маленькой, поэтому лес рядом с деревней казался тебе таким большим. Парчевский лес

огромный – там можно гулять несколько дней и так и не добраться до цивилизации.

– Иван всегда говорил, что там живет лесной царь и крадет души маленьких детей.

– Глупые суеверия! – презрительно плюнул папа. – Не верь этой чепухе. Кроме комаров и болот, там ничего нет. А найти дорогу в нем может только тот, кто хорошо знает этот лес.

– Знаешь, папа, – усмехнулась Шурка, – тогда я верила всему, что мне рассказывал Иван, и мне было очень страшно. Ночью я пряталась под одеялом, чтобы лесной царь не нашел меня.

Они оба рассмеялись, вспоминая, каким любопытным ребенком она была и как хотела побывать в большом лесу.

Они ехали около часа по неровной дороге, останавливаясь несколько раз, чтобы убрать камни и ветки, упавшие во время зимних бурь.

Тетя и дядя спешили им навстречу:

– Вы хотите сказать, что это и есть маленькая Шурка?! – смеялись они.

– Это Шурка, студент-швея! – воскликнул Шурка.

У ее родственников была для нее свободная комната, Шурка сразу побежала смотреть ее и с радостью увидела, что она просторная и светлая. Из большого окна было видно улицу, красивые тротуары с уличными фонарями, большие витрины магазинов, где были выставлены платья из тканей,

которых она никогда в жизни не видела, торговцев и продавцов, рекламирующих свои товары, элегантные экипажи и людей большого города.

– Они так отличаются от людей в нашей деревне, – сказала она своей тете.

– Мы городские, но это маленький город. Подожди, то ли ты еще скажешь, когда доберетесь до Люб – лина.

Было решено, что Шурка будет посещать занятия пять дней в неделю, а субботу проводить с семьей. Школа шитья находилась недалеко от места, где жила тетя. Шурка могла выйти из дома и уже через пять минут оказаться в своем классе. Она научилась работать на швейной машинке и различать разные виды материалов, сметочный стежок, наметочный стежок и потайной стежок.

Сначала ученицам разрешалось шить только шарфы и скатерти. Позже Шурка научилась делать выкройки, конструировать платья и рубашки.

– Расскажи мне, – спрашивала ее Тайба, когда она возвращалась домой в деревню, – как у кого дела.

И Шурка охотно рассказывала матери о своих успехах в учебе, о новых друзьях, которых она приобрела, о городских жителях, которые вечно куда-то спешат, о своих кузенах и многочисленных родственниках – никах.

– Они к тебе добры?

– Очень, очень, они все. Но больше всего мне нравится навещать тетю Нехаму и дядю Ицхака.

– Я рада это слышать, – сказал Тайба. – Мой зять, Ицхак, действительно замечательный человек. Мы все были счастливы, когда моя сестра вышла за него замуж. И у них большая семья, тьфу-тьфу-тьфу.

– У них семеро замечательных детей, – глаза Шурки заблестели, – мне там очень хорошо.

Целый год Шурка училась шитью и жила вдали от дома, знакомилась с городской жизнью и заводила новых друзей. В конце года учеба закончилась, и она вернулась жить к своей семье в деревню.

По утрам она помогала матери печь хлеб и варить суп, а после обеда садилась за швейный стол и штопала платья сестрам или шила новую одежду брату.

После ужина, когда Шурка обычно помогала Тайбе убирать со стола или подметать пол, Яков Мендель смотрел на свою дочь и видел, что она превратилась в прекрасную молодую женщину.

– Что ты скажешь о нашей старшей дочери?

– Скоро мальчишки начнут приходить в себя.

– Она еще маленькая.

– Скоро ей исполнится семнадцать, и она будет готова начать свою собственную жизнь, – перебила тетя Алинка, у которой всегда было что сказать. – Даже сваха начала намекать, что пришло время найти принцессе подходящую партию.

– Сердцу не прикажешь, – сказала Тайба. Она чувствовала, что происходит в сердце ее дочери.

Лицо Шурки покраснело – всякий раз, когда поднималась эта тема, она почему-то краснела. Она никому не открывала, что ее сердце уже давно отдано одному молодому человеку.

Его звали Авраам Орлицкий, сын Эллы и Давида, торговца религиозными предметами. Хотя они не сказали друг другу ни одного слова, у нее кружилась голова всякий раз, когда думала о нем. Из всех молодых людей, которые окружали Шурку, Авраам Орлицкий был самым красивым. Он был высоким, с сильными руками и пронизательным взглядом, на его губах всегда играла улыбка как знак постоянного веселья. Он нравился всем: и евреям, и неевреям.

Шурка, хотя и считалась одной из самых красивых и трудолюбивых девушек в округе – о ней хорошо отзывались даже в близлежащих деревнях, – очень переживала, что он никогда ее даже не замечает. В конце концов, она была лишь дочерью фермера, в то время как он, ее избранник, принадлежал к уважаемой и знатной купеческой семье и считался всеми прекрасной и желанной партией.

Когда они встретились?

Когда она успела влюбиться в него?

Они встретились на праздновании Симхат Тора в главной синагоге города, где толпа молящихся людей танцевала вокруг Торы, а дети размахивали бумажными флажками. Шурка вдруг почувствовала, что кто-то пристально смотрит на нее.

– Что с тобой случилось? – рассмеялась Тайба, прекрасно

понимая, что происходит.

– Я вдруг почувствовала какое-то тепло в области сердца, – рассказала Шурка матери.

Она посмотрела на него, и он, ни капли не смутившись, улыбнулся ей в ответ. В этот момент она почувствовала, как земля уходит у нее из-под ног, а сердце бешено заколотилось.

Шурку охватила паника, и она быстро спряталась за маму. Ведь девушка должна быть скромной и не подавать сигналов парням.

А Авраам Орлицкий? Он улыбнулся ей, помахал рукой Тайбе и присоединился к кругу танцоров.

В ту же ночь Шурке приснилось, что она входит в море свечей и перед ней стоит улыбающийся Авраам. Его красивое лицо светилось.

– Ты видела? – спросила на следующий день Тайба свою тетю Шифру, которая жила в Любартуве.

– Конечно, – сказала тетя, – все видели. А ты что думала?

– Она еще такая молодая.

– Понятно, что девушке нужно выйти замуж, – сказала тетя. – В ее возрасте ты уже была матерью. Я сегодня встретила сваху, госпожу Готлиб. Она придет поговорить с тобой о сыне ученого, который уже достиг совершеннолетия.

– Шурка не захочет, чтобы сваха управляла ее жизнью. Времена изменились, я ее знаю. Моя Шурка выйдет замуж за того, кто ей понравится.

Шурка слушала и улыбаясь. А ночью она ворочалась в своей постели и мечтала о нем.

Они снова встретились на вечеринке в честь Хануки, которая проходила в доме бабушки и дедушки Шурки в Оструве-Любельском. На этот раз он посмотрел на нее и улыбнулся. Шурка улыбнулась ему в ответ, и он подошел к ней. Они стояли рядом друг с другом, смущенные и потерявшие голову.

Шурка надеялась, что никто не услышит, как бьется ее сердце. Он был так близко, что она чувствовала его дыхание. И пока остальные пели гимн *Маоз Цур*, он наклонился к ней и тихо спросил, может ли приехать и навестить ее в семейном доме. Шурка кивнула и сказала, что она будет рада его видеть, а Авраам спросил ее, понимает ли она, почему он хочет навестить ее.

Она прекрасно поняла. Ее лицо пылало, Шурка утвердительно кивнула и громко сказала, что ему придется поговорить с ее родителями. Авраам улыбнулся и провел рукой по ее волосам, и Шурка сразу все поняла. Она никогда не чувствовала себя так тепло и так счастливо.

Когда позже она рассказала об этом матери, Тайба сказала:

- Девочка моя, это любовь. Моя дочь влюблена.
- Это написано на звездах, – сказал Яков Мендель, покраснев. – Как и наши предки Авраам и Сара, я сразу понял, что это свыше. – И все рассмеялись.

Позже Авраам и Шурка гуляли по дорожкам деревни, и соседи, глядя на них, говорили, какая они привлекательная пара, и спрашивали Якова Менделя, когда уже будет свадьба.

Они поженились в начале лета. Свадьбу устроили в большом поместье семьи Орлицких. Прямо на траве стояли длинные столы, покрытые белыми скатертями, которые ломились от угощений, приготовленных друзьями: рагу, рыбные котлеты, фаршированная рыба, курица и трехъярусный свадебный торт, испеченный местным пекарем.

Шурка надела свадебное платье, которое Тайба хранила для нее в большом деревянном сундуке. Шурка добавила синие вышитые цветы на рукава белого шелкового платья и надела жемчужное ожерелье своей бабушки. Все говорили, что под хупой она выглядела как королева.

– За прекрасную невесту, – поднял бокал Яков Мендель.

Тайба покраснела и сказала:

– Хватит, тьфу-тьфу-тьфу.

И все гости засмеялись и чокнулись друг с другом.

Были те, кто говорили: «Посмотрите-ка, берет невесту из семьи простого фермера, хотя Авраам Орлицкий заслуживает невесту из богатой и состоятельной семьи, как и его собственная». А были и другие, кто говорили: «Посмотрите, какая она красивая, такая красавица заслуживает мужа богаче, чем он». А другие девушки из деревни и города просто с завистью смотрели на привлекательную пару.

– Моя прекрасная невеста, – прошептал ей Авраам, – я

обещаю тебе, что мы будем счастливы. Ты будешь моей королевой Сарой.

А Шурка держала его за руку и чувствовала, как трепещут крылья счастья.

В разгар свадебного торжества, когда гости уже пили по третьему или четвертому бокалу вина, оркестр без устали играл, а юноши и девушки танцевали, во двор вошла молодая пара. Они несли с собой два больших чемодана. Вдруг музыка остановилась, и танцы замерли.

«Кто они?» – спрашивали друг друга гости.

«Что они здесь делают?»

«Они пришли на свадьбу в повседневной одежде!»

Когда хозяин дома, Аарон Орлицкий, заметил пару, он встал со своего места и поспешил к ним. Все веселящиеся с интересом последовали за ним. Они говорили несколько минут, затем Орлицкий повел их в дом. Когда он вернулся, его лицо было багровым.

– Кто они?

– Дети Йосефа, друга детства. Йосефа и его жены Мириам.

– И что привело их к нам?

– Не сейчас, дорогая, не сейчас. Теперь давай праздновать.

Гости не двигались. Было что-то тревожное в том, как появилась эта пара, нарушив праздник.

Аарон поднял бокал за молодоженов: «Евреи, сегодня у

нас праздник!»

И снова раздался звон бокалов, и заиграл оркестр.

Лишь позже, ближе к вечеру, когда гости уже разошлись и только несколько родственников остались помогать убирать двор, выяснилось, что пара, появившаяся без предупреждения, сбежала из Берлина из-за тревожной атмосферы, созданной Гитлером, который обещал немцам очистить их страну от евреев.

– Этот человек очень опасен, – сказал юноша. – Он даже не пытается скрыть свою ненависть к нам. Он уже принял новые законы, и каждый день мы просыпаемся с новым указом.

– И куда вы?

– На восток. Здесь оставаться не стоит. Слушай, пойдем с нами.

– Берлин далеко, – говорили им все. – А этот Гитлер уже стал притчей во языцех.

– Я отказываюсь беспокоиться, – сказал Аарон Орлицкий, а его жена заявила, что доверяет своему мужу – и он всегда это знал.

Это был 1937 год.

Здесь, на востоке, они резали трехслойный торт, а в то время где-то на западе небо уже темнело. Маленький человек с глазами Сатаны кричал на площадях, угрожая миру и обвиняя людей Тайбы и Якова Менделя. Но там, в Восточной Польше, все еще не верили и не хотели знать ничего плохого.

В маленькой польской деревне Шурка и Авраам праздновали свою любовь, обнимаясь и мечтая о счастливом будущем. Вместе они мечтали о детях, которые у них родятся, и о внуках, которые появятся после.

– Какое счастье, – сказала Шурка, положив свою руку на руку мужа. – Представь, если бы мы уехали в Эрец-Исраэль... Как бы мы с тобой встретились?

– Так распорядилась судьба, Шурка, – засмеялся Авраам. – И кроме того, мы просто не могли не встретиться. Ведь мы созданы друг для друга.

А судьба?

Судьба складывается по-своему, дорогой читатель. Если бы семья эмигрировала в Израиль, вся наша история закончилась бы по-другому.

Авраам Орлицкий гордился тем, что у него было. Он привез свою молодую жену в прекрасный просторный деревянный дом, который снял для них в центре небольшой деревни Глубокие, недалеко от деревни, где раньше жила Шурка. Друзья называли ее Сарой Авраама.

На деньги, подаренные на свадьбу, молодые купили новую мебель и уютно обставили ею комнаты своего дома.

У них был буфет из орехового дерева, широкий обеденный стол, покрытый скатертью с голубыми лилиями, вышитой Тайбой, большая кровать и красный ковер от родителей Авраама. В цветнике перед домом разгуливали утки, кролики и куры и даже один петух с замысловатым гребнем. Авраам назвал его Ахашверош.

– Почему из всех имен ты выбрал именно Ахашверош, имя персидского царя? – засмеялась Шурка, а Авраам погладил петуха.

– Потому что он через день меняет подружек, и, кроме того, полюбуйся на его великолепную корону.

Прямо возле дома стоял высокий столб, увенчанный гнездом аиста, за которым Шурка следила, регулярно принося свежую воду и крошки. В их просторном доме всегда царил мир. Авраам был занят своим делом, разъезжая из деревни в деревню, покупал и продавал предметы религиозного культа, подсвечники и драгоценности, в то время как его молодая жена вышивала покрывала, шила занавески, готовила лапшу и пельмени и наполняла банки вареньем, которое она научилась варить у Тайбы. Авраам покрасил забор в белый цвет и на большой деревянной доске написал: «Здесь живут влюбленные Авраам и Сара».

– Зачем такая большая вывеска? – спросила Шурка.

Авраам нежно провел рукой по вывеске и сказал:

– Я надеюсь, что скоро мы заполним его новыми именами.

Шурка положила голову ему на грудь и улыбнулась.

Как-то утром стук колес нарушил их привычный ход вещей. В деревню въехала большая повозка. Она остановилась возле их дома, и из нее вышли радостные Тайба и Яков Мендель. Шурка выбежала поздороваться с родителями, которые указали на повозку. Внутри стояла ее старая швейная машинка «Зингер». Шурка нежно гладила ее блестящее де-

рево и крутила колесо.

– Я так скучала по ней, – прошептала она.

– Мы вот подумали... что, возможно, тебе это скоро пригодится, ты же понимаешь, о чем я? – Тайба улыбнулась, а Шурка покраснела.

А Яков Мендель сказал:

– Тише, женщина, разве ты не видишь, что ребенок смущен?

Дела Авраама шли в гору. Каждое утро он выезжал из деревни на работу на своей повозке, полной товаров. Когда он возвращался, продав весь свой товар, конь шел легко, и Авраам благодарил Бога за удачный день.

– Это не просто удача, – покраснела Шурка, – люди в деревне говорят, что все хотят покупать только у тебя. Твой товар самый лучший, и ты честный человек, который никогда никого не обманывал.

– Я рад это слышать. Говорят, что доброе имя лучше хорошего масла.

– А ты торговец с добрым именем – даже гоим говорят это о тебе.

– Самое главное, что я чувствую, чего хотят клиенты. Вот,

посмотри, что я привез тебе из города.

Авраам часто дарил Шурке новый шарф или кружевную ткань для скатерти.

А Шурка продолжала украшать свое семейное гнездышко. Она повесила кружевные занавески, которые сама вышила, сшила наволочки и связала шерстяные носки мужу.

Когда наступила весна, деревья зазеленели, а аисты вернулись в свои гнезда на верхушках Глебокивых столбов, Шурке уже было что рассказать мужу. В тот же вечер она накрыла стол праздничной скатертью и цветами, которые собрала прямо в их маленьком садике.

– По какому случаю? – спросил Авраам, и Шурка покраснела. – Ты вся красная, – сказал он. – Что-то серьезное? Может, поговорим, когда я закончу работу?

– Нет, подожди, – перебила она его. – Я хочу поговорить с тобой.

– Что ты хочешь сказать, моя дорогая? – спросил он, и сердце его, предчувствуя то, что сейчас произойдет, бешено забилося.

– Ты же знаешь, что аисты делают весной... – Шурка уставилась в пол.

– Аисты? При чем тут аисты? Я не понимаю, – сказал Авраам, который хорошо знал свою жену и понимал, что Шурка на самом деле говорит не об аистах. – Так что делают аисты, моя возлюбленная Сара?

– Они размышляют, а потом...

– А потом? – перебил жену Авраам.

– Они увеличивают семью, – закончила фразу Шурка и отвернулась к окну. Ей отчего-то было неловко смотреть мужу в глаза.

– Подожди, – Авраам притянул к себе на колени молодую жену, – что ты хочешь сказать?

– Что и в нашем гнезде скоро тоже кто-то появится.

– Моя прекрасная королева... моя Шурка! – Он что-то взволнованно бормотал и нежно, словно она была каким-то драгоценным и хрупким инструментом, подвел жену к стулу.

– А когда же этот счастливый день? – спросил он, и Шурка, покраснев, показала на пальцах, что она уже на втором месяце.

– Боже правый! Через семь месяцев я стану отцом... отцом... Папа Авраам, Папа и Мама... – Авраам встал и нежно поцеловал Шурку, а затем побежал в дом родителей, который находился неподалеку, чтобы сообщить им радостную новость.

Дом сразу же наполнился родственниками и друзьями, которые дали им бесконечные странные советы и навалили кучу еды, необходимой, по их представлениям, беременной женщине. На следующий день все жители близлежащих деревень уже знали, что Шурка и Авраам ждут ребенка.

И когда Шурка проходила мимо на рынок или в гости к друзьям, жители деревни – как христиане, так и иудеи – приглашали ее зайти в гости, чтобы немножко отдохнуть и вы-

пить стаканчик свежего лимонада. Сару и Авраама любили все.

Теперь Шурка была занята не только уходом за их маленьким участком земли, но и подготовкой к рождению ребенка, который должен был родиться, когда придет время, «с Божьей помощью», как все говорили. Она белила и красила, а по ночам шила крошечные одежки. Колесо ее швейной машинки бешено крутилось, и она вышивала маленькие голубые незабудки на рулонах мягкого хлопка.

Мама Тайба приходила помогать, и они вдвоем доставали крошечную одежду, и с любовью глади – ли ее.

– Я надеюсь, это будет девочка, – говорила Шурка Аврааму, когда они вечерами прогуливались по деревне.

И Авраам ласково поддерживал свою жену и шептал ей, что кто бы там ни был, будет желанным.

– Ты же знаешь, как говорят: дочь – предвестник сыновей.

На последнем месяце беременности Шурки Тайба переехала жить в Глебокие, в дом к молодым. Она хотела быть рядом с дочерью, когда придет время, помогать ей и помочь родить ее первого внука. Обе женщины были все время заняты подготовкой к рождению ребенка. Авраам сделал деревянную колыбельку и покрасил ее в белый цвет, а Яков Мендель повесил лампу на потолок комнаты.

Однажды ночью, в конце января, когда на улице бушевала снежная буря, Шурка разбудила Авраама, ее лицо было бледным от боли.

– Я думаю... уже пора.

– Что?! – закричал испуганный Авраам.

– ...начались родовые схватки, – сказала Шурка.

И он, сияя от волнения и счастья, разбудил Тайбу, чтобы та присмотрела за женой, запряг повозку и поспешил в соседнюю деревню за повитухой.

«Вы еще никогда не видели более счастливого человека, держащего на руках свою маленькую дочь, – позже сказала акушерка жителям деревни. – Его глаза так и сверкали, точно бриллианты».

Авраам положил ребенка на грудь матери и что-то нежно прошептал малышке, а она вдруг улыбнулась в ответ, словно поняв слова отца.

– Давайте назовем ее Ирена, – предложила Шурка. – В честь моей бабушки Ирены, которая когда-то жила с нами. Она научила меня раскатывать тесто и петь песни о ветре и дожде.

Авраам кивнул в знак согласия:

– Отлично! Мы назовем ее Ирена, что означает «мир». – И улыбка озарила лицо ребенка, как будто она все поняла, и Авраам обнял их обеих.

Они втроем стали семьей: папа, мама и маленькая Ирена, с кожей цвета меда и сверкающими глазами. Ирена любила засыпать на животе у отца, пока Шурка тихонько пела ей, складывая пеленки, пахнувшие тальком. Казалось, что мир, в котором Ирена радостно верещала, был добрым и благо-

склонным.

И счастье расцветало. Но пока ее родители все еще восхищались прекрасной кожей Ирены и ее голубыми глазами и благодарили Бога за свое счастье, где-то генералы со свастиками на лацканах уже планировали начало войны. Фабрики повсюду изготавливали пушки и винтовки, крупные производственные предприятия выпускали танки, а инженеры проектировали самолеты, способные нести смертоносные бомбы. Толпы людей аплодировали маленькому человеку, который кричал и обвинял евреев во всех бедах Германии; в то время как в маленькой деревне Авраам и Сара танцевали со своей дочерью на руках. Добро пожаловать в 1938 год. В мир пришел новый ребенок.

В других местах также были сделаны первые шаги к великому разрушению. 9–10 ноября 1938 года по всему Третьему рейху прошел погром евреев. В результате нападений многие улицы были покрыты осколками витрин принадлежавших евреям магазинов, зданий и синагог. Большая синагога в Берлине – великолепное историческое здание – была разрушена. «Хрустальная ночь» была названа так из-за осколков стекла, которые разлетелись повсюду в ту ночь после разрушений, учиненных приспешниками Гитлера.

В том же месяце, ноябре 1938 года, вдали от криков большой, но разбитой еврейской общины Берлина, Шурка и Авраам вели свою привычную жизнь. Иногда Авраам возвращался домой бледным и встревоженным, рассказывая исто-

рии о евреях, которые бежали на восток от ужасных новых законов, навязанных этим кричащим усачом, или из-за исключения евреев из университетов. Но они все еще были погружены в свое собственное счастье, говоря друг другу, что тучи всегда рано или поздно рассеиваются и что дальше криков и угроз этот безумный клоун просто не пойдет.

Авраам и Шурка смотрели на Ирену. Ей исполнилось десять месяцев, она могла сидеть и ходить, держась за руки родителей, и лепетать несколько слов.

Наступил сентябрь 1939 года, и Ирене исполнилось двадцать месяцев. Она была живым и улыбочивым ребенком, всеобщей любимицей. Она вовсю бегала по двору на своих коротких ножках, гоняясь за белыми курами, и собирала цветы, чтобы отдать их матери. Она помогала отцу собирать яйца в курятнике.

– Это Ирена, моя принцесса, – представлял ее всем Авраам, добавляя с улыбкой: – И конечно же, ее мать – королева Шурка!

Ирена обожала свою куклу Алинку, которую сделала для нее мать. Дедушка Яков Мендель принес ей желтого цыпленка, который бегал по двору, а бабушка Тайба связала шерстяную шапку для зимних дней и рассказала ей об аистах. Все ее тети и дяди восхищались своей маленькой племянницей, носили ее на плечах, бегали с ней по полям и играли.

Авраам и Шурка мечтали о большой семье. Они хотели, чтобы дети заполнили дом своими звонкими голосами, сме-

хом и песнями. Авраам был уверен, что их счастье будет только расти.

Но в то время – пока Ирена тянула Ахашвероша за хвост и играла со своей куклой Алинкой – немцы вторглись в Польшу. Гитлер, неудержимый Сатана, продолжал свое военное наступление на восток. Теперь это было невозможно не заметить. Польша сдалась почти без боя. Перед лицом могущественных немцев польская система обороны рухнула как карточный домик. В маленькие деревни в районе Люблина приходили пугающие сообщения. Но пока немцы оставались не более чем слухами. Пока только рассказами. Никто еще не видел ни одного немецкого солдата. Все старались жить как обычно.

Авраам и Шурка узнавали о происходящем от торговцев, которые ездили по деревням и иногда приносили новости. Но они, как и все остальные, не поддавались беспокойству, даже когда тревожные сигналы стали более очевидными и более частыми.

«Вам нечего бояться, – сказали их соседи – поляки, когда они рассказывали друг другу тревожные новости. – Вы здесь примерно с тех пор, как и мы: более двухсот лет. Кто посмеет прогнать вас?»

Новости становились хуже с каждым днем. Ходили слухи об убийствах и грабежах, об арестах и преследованиях. Но в деревнях людей больше всего волновало, будет ли дождь.

«Оккупировали Польшу, ну и что?» – говорили поляки

друг другу. Евреи кивали головами.

«Ну и что?»

«В конце концов, Польша уже была однажды завоевана немцами».

«Ну и что?»

«Мы прошли через войну, через беспорядки, были трудные времена, мы переживем и это».

Гитлер продолжал кричать на площадях. Он угрожал и угрожал и не скрывал своего отношения к «еврейской проблеме». Он считал евреев осквернителями европейской земли, врагами Европы. В Германии уже начали выгонять преподавателей-евреев из университетов, евреев грабили без возможности судебного разбирательства, многих арестовывали по обвинению в государственной измене. На них было наложено множество правил, ограничивающих их передвижение и жизнь.

«Он не посмеет тронуть нас, – говорили евреи друг другу, собираясь помолиться в Шаббат. – Покричит-покричит и успокоится, и мир снова вернется к тому, каким он был прежде». Несколько месяцев спустя польским евреям было приказано носить желтую нашивку.

В деревне по-прежнему все было тихо и спокойно, а в животе Сары зародился новый человеческий птенец. Шурка связала Ирене красное шерстяное пальто и белый шарф, чтобы она не замерзла зимой, и прикрепила желтую нашивку к рубашке мужа.

«Почему я должен это носить?» – спрашивал Авраам жену. Но она настояла. Он много ездил, и не дай Бог его поймут без этого значка. До них уже доходили слухи о евреях, которых поймали на вокзале, и с тех пор о них ничего не было слышно, и о какой-то несчастной женщине, которая потеряла свой значок и была избита до смерти.

– Ты должен делать то, что они говорят.

– Что это? – спросила как-то Ирена, показывая на желтую заплатку на рубашке отца.

– Это ничего, – успокоил он малышку и глазами показал Шурке, чтобы та не беспокоила девочку. – Это такое украшение.

– А я знаю, это – звезда Давида, прямо как в нашей синагоге. – Ирена указала на нашивку, а Авраам обнял ее за голову и сказал, что она очень умная маленькая девочка.

Шурка вздохнула. Она не сказала мужу, что в последнее время ей постоянно снятся кошмары про Парчевский лес: болота, волки, ищущие ее и Авраама, заблудившихся в этом лесу...

Одна из еврейских семей, проживавших в Глебокие, решила хоть как-то действовать. Они тайно продали свой дом и уехали в портовый город Одессу, откуда думали пароходом отправиться в Израиль.

Перед отъездом они зашли попрощаться с Авраамом и Сарой.

– Что за спешка?

– Мы должны убраться отсюда поскорее и уехать как можно дальше.

– Но я слышал, что в земле наших отцов тяжело. Там болоты, болота и почти нет работы, – сказал Авраам.

Шурка посмотрела на мужа и подумала, что, может быть, им тоже пора. Ночью она рассказала мужу о своих страхах.

– Тебе не нужно волновать себя такими переживаниями. – Авраам погладил ее живот. – Скоро будет ребенок. Тогда и посмотрим.

– Я чувствую...

– Мы никуда не поедem, пока ты беременна. – Он немного помолчал. – За несколько месяцев все равно ничего не изменится.

– Я слышал, что люди бегут на восток, в Россию, – сказал Яков Мендель, когда в следующий раз приехал навестить детей.

– Россия – не вариант, – сказал Авраам. – Я не доверяю русским. Они передадут любого сбежавшего еврея немцам.

– Но вы доверяете немцам?

– Немцы – культурный народ.

– Вы слышали, что говорит Гитлер?

– Он сумасшедший клоун, я верю всем сердцем, что наши польские друзья позаботятся о нас. В конце концов, мы один народ, их язык – это наш язык, а их культура – это наша культура. – Авраам повторил свои обычные аргументы. Он не видел причин для беспокойства.

– Гитлер – дьявол.

– Но у нас есть Бог.

– Ты наивный, – сказал Яков Мендель. – Поляки будут первыми, кто нас выдаст. Мы должны начать думать, как защитить себя.

– Вы все слишком много волнуетесь. Подождите и увидите – этот Гитлер пройдет, и с нами все будет хорошо.

Манн трахт, ун Гот лахт³.

История по-своему распоряжается жизненными путями людей, хотя они уверены, что все это вопрос свободной воли и их собственные решения. Человечество верит, что его судьба в его руках, но реальность показывает нам обратное.

Это был 1939 год.

Мир все еще находился в глубоком сне, как Спящая Красавица, проклятая злой ведьмой. Никто из лидеров не смотрел вперед; они не хотели видеть признаки террора, который начал раскалывать весь мир.

Тем временем в своем прекрасном доме Шурка и Авраам продолжали строить свое будущее, расширять свой дом и свою семью.

Шурка и Авраам знали, что Люблинский край, где находилась их деревня, теперь полностью захвачен немцами. Они слышали грохот самолетов и эхо взрывов. Они видели, как побежденные польские солдаты шли на восток к советской границе, а немецкие солдаты победно маршировали по их

³ Человек планирует, а Бог смеется (*идиши*). – Прим. пер.

деревням как завоеватели. Они видели колонны танков, которые проходили недалеко от их дома, ровные отпечатки их гусениц еще долго были видны на земле. Они знали и то, что староста их деревни был вынужден сотрудничать с захватчиками и отдал им свой кабинет. Они видели его пьяного сына-бездельника, беспрекословно выполняющего все, чего требовали от него немцы.

Они понимали, что Польша потеряла свою независимость и что теперь они находятся под властью Германии. Тем не менее они оставались послушными. Страх не было.

Война их не коснется, думали они. Это происходило где-то в другом месте, на фронте. И совсем скоро она закончится, и жизнь вернется в свое обычное русло. К тому же Польша уже пережила долгие годы оккупации.

– В конце концов, политика, – сказал Яков Мендель, когда они с Тайбой приехали навестить свою любимую внучку, – не для мирных деревенских людей. Подумайте сами, зачем им нести войну в наши края? Какой в этом смысл? Это тихий и спокойный сельскохозяйственный регион, где люди живут своим трудом.

Но новости продолжали поступать. Иногда еврейские беженцы, бежавшие из оккупированной Варшавы, останавливались у них дома и рассказывали, что там происходит.

– Почему вы бежали? – спросила Сара.

– Нужно было убираться, пока есть возможность.

– Что там такого ужасного?

И они рассказали ей, что вся еврейская община Варшавы загнана в гетто, что еды не хватает, многие больны, и нет лекарств. И не только это... теперь они свозили в гетто евреев из окрестных деревень, и теснота там царила ужасная. Ситуация была тяжелой и распространялась по всем улицам. Шурка доставала чистые простыни и оставляла беженцев отдыхать в своем доме и все чаще стала смотреть вдаль, туда, где лесной царь искал души маленьких детей. Иногда приезжал торговец древесиной и привозил с собой газету из Люблина или Любартува, но большую часть информации приносил их друг Париц Любосковиц.

Авраам был торговцем с хорошими связями и время от времени организовывал совместные предприятия с Парицем Любосковицем и его семьей. Между ними царили дружба и взаимное доверие. Париц часто гостил в доме Шурки и Авраама и обожал фаршированную рыбу и миндальное печенье, которыми его угощали. Иногда он приглашал их к себе в гости, в свой большой дом, рядом с городом Остров-Любельски, в двух часах езды от их деревни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.